

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник–четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Далекое -
близкое

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

«Нечаев Владимир Александрович (1908-69), певец (тенор). Заслуженный артист РСФСР. С 1941 по 1945г. - участник фронтовых бригад. Солист Всесоюзного радио. Выступал в дуэте с Владимиром Бичиковым. Первый исполнитель песен советских композиторов - М.Бланте, В.Мокроусова, А.Новикова, В.Соловьева-Седого».

В Нечеево я пришел в сумерки. За покосными лугами, на прогалине неба, среди туч холодно посверкали аугустовские зарницы. Где-то жаловалась гармошка — она била один и те же голоса, не в силах вырваться из вязкой деревенской тишины.

Электричества тогда не было, и в редких окончах теплился свет керосиновых лампушек. Я постукался в статный кирпичный пятистенок с тыном и коновязью.

Уж отыскивает правдивые, — вышел на крыльце заспанный старичок с берданкой. От него кисло пахло самогоном. — Ты по какой части к нам, товарищ, прикомандирован? Рытаготовительной?

Я сказал, что «заготовка» у меня особого толка — собираю заметки в областную газету «Орловский комсомолец».

— И про самогонников собираешь? — насторожился старичок.

Я ответил, что газету больше интересует социалистическое соревнование, а самогонщики — это для орловщины нетично.

— Принимается! — обрадовался старичок. — Лучше ударишься в смятение. Ты, мол, щегол, испынили бы нам что-нибудь для нашего комбода революционное. Будет тебе все про рабину да ямщиком! А он мне: «Для революционного, дядя Аким, крепкий бас надобен. Не поднять моему голосу революционное». Так и увидал от сущности вопроса. В сторонке стояли Нечеевы от нашего коммунарского общества. На собранье — не загонишь... Больши на своем земельном налегали. Избы не в пример другим себе выстроили. Слыши, под холмом. Еще паровой локомобил из-за границы выписали. Им уж своих рук в страну не хватало — помогательниц нанимали. И меня уговорили. Привстали кочегарить к тому локомобилю. Только я этим щеглом показал, каким из меня удалой пролетариат. Взяли да и подсыпал им в штаны крушного речного песчанка. Тут и скопылись все их инхия механизации...

Помимо чести не стало не сбесить. — Акимыч, — попросил я, — Вон у коновязи повозка с сеном стоит. Может, я там и переношу?

— Ты... сунько... — удивленно выставил он на меня щетинистый подбородок. — На улице тебя

заслышали, куды там!

— Минуточку! — перевел я дыхание. — Владимир Нечеев... Вы хотите сказать, что он есть всем известный солист Всесоюзного радио?

— Вот я тебе об том и tolkую, что этот солист самой Москвы достоин! — жалостливо мигая слезящимися глазами, подтвердила Акимыч.

Долго мы искали его. Всю округу перешлистили. А он — вон куды от нас! Только в войну, наконец, обнялся. Сидим как-то вправлены в батарейного приемника «Родина», ловим сводки и вдруг — обзывают: «Погиб участник фронтовых бригад артист Владимир Нечеев!» От него первого услыхали мы тогда «В землянке», «В лесу профориентом...» Брехат не стань — до слез всех прошибло. Я говорю: «Это не наш Нечеев. Не может такого быть, что наша Нечеева такая голоса рожка!» Дядя говорит: «Тебе, Акимыч, медведь на ухо встал. Это ж наутилый!»

— Ты... сунько... — удивленно выставил он на меня щетинистый подбородок. — На улице тебя

заслышали, куды там!

— А сеновала у вас нет? — — понтересовался я.

— Сенник-то в наличии, — ответил Акимыч. — Токо теперича в нем

нам следует сообщить, куды надо.

Ишь, как ловко падока от советской власти замаскировался! Дядя — на меня: «Какая ж это маскировка? Он ни от фамилии, ни от своего голоса не прячется. Сам товарищ Сталин, небось, Володыкуну «Землянку» в Кремле слушает? Ну тут закусил удилья. — Стало быть, затаплило Володык. Подавляет же людям счастье... Все у них, из Нечеевых, пополам с песней было. И ладно бы после доброй чарки песни играть, а то ведь — на тверзевую голову! Коровы по росе в стаде загоняют — поют. Сено в стога навешивают — поют. Хлеб на току веет — обратно поют! Нечеевская мамаша с дочеками вдруг хоры составляли, а Володык у них вроде за коноводу был. Делал ему как-то замечание. Ты, мол, щегол, испынили бы нам что-нибудь для нашего комбода революционное. Будет тебе все про рабину да ямщиком! А он мне: «Для революционного, дядя Аким, крепкий бас надобен. Не поднять моему голосу революционное». Так и увидал от сущности вопроса. В сторонке стояли Нечеевы от нашего коммунарского общества. На собранье — не загонишь... Больши на своем земельном налегали. Избы не в пример другим себе выстроили. Слыши, под холмом. Еще паровой локомобил из-за границы выписали. Им уж своих рук в страну не хватало — помогательниц нанимали. И меня уговорили. Привстали кочегарить к тому локомобилю. Только я этим щеглом показал, каким из меня удалой пролетариат. Взяли да и подсыпал им в штаны крушного речного песчанка. Тут и скопылись все их инхия механизации...

Помимо чести не стало не сбесить. — Акимыч, — попросил я, — Вон у коновязи повозка с сеном стоит. Может, я там и переношу?

— Ты... сунько... — удивленно выставил он на меня щетинистый подбородок. — На улице тебя

заслышали, куды там!

— А сеновала у вас нет? — — понтересовался я.

— Сенник-то в наличии, — ответил Акимыч. — Токо теперича в нем

здесь любимые народным поэтом антикспецистами мотивы? Да! Ну и кому это сегодня интересно?

Но вот за дело берется художник (здесь режиссер и художник в одном лице). На сцене — как бы картина в старинной раме. Одергиваете занавеска: на диване не-подвижно лежит Ласуков. Лежит так долго, что пластина изображения выходит из-под сна.

Основной режиссерский прием этого спектакля я называю бы эксцентричной буффонадой. Актеры работают почти на грани фола, но при этом строго по школе перевоплощения. Эффект получается

год — вся Европа охвачена революцией спустя полвека после Великой французской. А наш русский помещик продолжает дрыхнуть на своем продавленном диване — ему пока только снятятся страшные сны. И проснувшись, он еще может кружиться над теми, чьи жизни полностью зависят от его прихода.

Небольшое отступление от Некрасова: у него Ласуков «художенный старичок лет 50, седой, со сморщенными и болезненным лицом». На сцене же — громадный упитанный детина (Сергей Садовников) — ну просто кровь с молоком!

Но тем и смешнее, что он

вдруг ощущает себя больным,

и он — как бы картина в старинной раме. Одергиваете занавеска: на диване не-подвижно лежит Ласуков. Лежит так долго, что пластина изображения выходит из-под сна.

Основной режиссерский прием этого спектакля я называю бы эксцентричной буффонадой. Актеры работают почти на грани фола, но при этом строго по школе перевоплощения. Эффект получается

еще с недосыпом Нечееву в печати клясть!

Я настоил на своем, и этим, очевидно, в глазах Акимыча окончательно уронил свой авторитет. Ну, мол, и представитель показал!

Печим собирает газетные заметки. Еще облокает часовую на телегах, под звездами...

Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову! Коровы по росе в стаде загоняют — поют. Сено в стога навешивают — поют. Хлеб на току веет — обратно поют! Нечеевская мамаша с дочеками вдруг хоры составляли, а Володык у них вроде за коноводу был. Делал ему как-то замечание. Ты, мол, щегол, испынили бы нам что-нибудь для нашего комбода революционное. Будет тебе все про рабину да ямщиком!

Акимыч, — едко хмыкнул Акимыч и потянул ногтем по душе берданки. — При подноге нашего бедняцкого комитета схвалили. Усадили, значит, их, щеглов, на две подводы — и — город Ачинск. Токо одному из Нечеевых удалось от холмов краину скрыться. До сих пор ума не приложу, как этот Нечеев Володык извратился в Москву убить, в большие артисты заступить. Да ты, товарищ, небось, его по радику.

— Следи за ним, — отвечал я.

— Минуточку! — перевел я дыхание.

— Владимир Нечеев... Вы хотите сказать, что он есть всем известный солист Всесоюзного радио?

— Вот я тебе об том и tolkую, что этот солист самой Москвы достоин!

— Жалостливо мигая слезящимися глазами, подтвердила Акимыч.

Долго мы искали его. Всю округу перешлистили. А он — вон куды от нас! Только в войну, наконец, обнялся. Сидим как-то вправлены в батарейного приемника «Родина», ловим сводки и вдруг — обзывают: «Погиб участник фронтовых бригад артист Владимир Нечеев!» От него первого услыхали мы тогда «В землянке», «В лесу профориентом...» Брехат не стань — до слез всех прошибло. Я говорю: «Это не наш Нечеев. Не может такого быть, что наша Нечеева такая голоса рожка!» Дядя говорит: «Тебе, Акимыч, медведь на ухо встал. Это ж наутилый!

— Ты... сунько... — удивленно выставил он на меня щетинистый подбородок. — На улице тебя

заслышали, куды там!

— А сеновала у вас нет? — — понтересовался я.

— Сенник-то в наличии, — ответил Акимыч. — Токо теперича в нем

телефографных столбов. И я, наконец, догадался, что мы... едем.

— Эй! — заполонило вскочил я.

На передок держал вожжи по-жизненный веселющий дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

На передок держал вожжи по-жизненный веселый дядька в брезентовом плаще и рыжий кепке блином. Правая нога — солдатский сапог, левая — деревянная бутынь.

— Но ничего необычного тут не было. Я при不可缺少, когда к тогдашней газетной жизни, полной лишенний и негауди, было перезнатьную голову!

— Это ж куда мы?..

